

ВЗГЛЯД ЗАПАДНОГО СЛАВИСТА НА ИСТОРИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА

Еще до реформ Петра I русская философия начиналась с христианской веры и имела место в трудах Отцов Церкви (Нила Сорского и Иосифа Волоцкого), в свидетельствах многочисленных изборонок и в идее о преемственности России как Третьего Рима.

Продолжение этой мысли можно найти у историка русской философии

В. В. Зеньковского. Он пишет: «Мы находим разнообразные, хотя и отрывочные следы этого пробуждения философских интересов, – но только они все укладывались в рамки религиозного мировоззрения и потому не выводили работу ума на путь независимой и самостоятельной философской мысли. "Секуляризация" философии, отделение ее от религиозного сознания произошло в России значительно позднее, чем в Западной Европе, – а главное, совсем по-иному». Однако в данной связи нельзя говорить о массовых проявлениях, скорее это были лишь отступления в многочисленных наставлениях.

Большинство таких трудов традиционно написаны на старославянском или греческом языках. Американский славист Дин Ворт так характеризует письменную культуру Киевской Руси: «Среди них (имевшей место литературы) нет ни Гомера, ни Платона, ни Аристотеля, и даже религиозная литература была больше ориентирована на установку правильной монастырской жизни, чем на серьезные теологические или философские размышления»¹. До середины XVIII века в России не сложилась философская традиция, как на Западе, где широко использовались труды античных философов, таких как Платон и Аристотель. Поскольку доминирующая роль церковнославянского языка очевидна, нет смысла останавливаться на этом периоде, поскольку здесь нет такого явления, как билингвизм, при котором возможно употребление в равной степени двух языков.

XVIII век – поиск путей развития философского языка

XVIII век стал подготовительным этапом для русской философии в процессе ее становления и формирования. Основная просветительская идея состояла в популяризации родной речи и создании нового, русского философского языка. Для передовых мыслителей того времени становится очевидным, что церковнославянский язык из-за тяжеловесности слога и ориентированности на богословие не может выполнять функции академического языка, которые выполнялись латинским языком (в большей мере) и греческим. Поскольку церковнославянский язык не мог конкурировать с латынью и занять

¹ *Dean Worth. The Cambridge companion to modern Russian culture/edited by Nicholas Rzhevsky. – Oxford., 1998. P.55*

ее место, то необходимо было адаптировать разговорный русский язык под нужды науки и философии. При этом не стоит забывать, что одновременно с этими процессами происходит формирование высшего образования в России. В 1701 году академический статус получает Киево-Могилянская академия, а также Славяно-латинская академия, основанная в 1687 году, как высшее общеобразовательное заведение. Славяно-греко-латинская академия (с 1775 года) начинает обучать слушателей по направлению «философия», однако в данном случае речь не идет о профессионализме в современном понимании этого слова – без сомнения это были богословы, служители и защитники веры. В 1755 г. был основан Московский университет, как высшее светское учебное заведение, но он зависел от Духовной Академии, которая предоставляла в качестве профессоров своих выпускников. Несмотря на светский характер университета, философия продолжала богословское направление. И все же, невзирая на этот факт, академическое обучение философии полностью переходит на латынь, отгораживаясь от интеграции в нее других языков. Иностранские философские руководства, написанные уже на родных языках авторов, переводятся строго на латынь и распространяются среди студентов. Академическая среда до прихода Ломоносова остается строго монолингвальной. Основная характеристика этого периода – секуляризация общественной жизни, отделение церкви от государства. Зеньковский так определяет этот период: «... рост церковного сознания ведет постепенно к тому, что в его недрах открывается простор для философской мысли, исходящей из христианских принципов, но свободной в своем творчестве, в поисках истины. Этот процесс достигает своего высшего выражения в философских произведениях Г. С. Сковороды, в лице которого впервые заявляет о себе свободная христианская философия. Это есть секуляризация внутрицерковного сознания, идущая без разрыва с Церковью. С другой стороны, этот же процесс, как было указано выше, идет и вне Церкви и независимо от нее, иногда даже и в сознательном противопоставлении себя церковному сознанию: рождается светская культура, открывающая простор для «мирских» интересов и развлечений». Зеньковский считает Григория Сковороду (1722-1794) одним из первых и значимых философов России. Исследователь творчества Сковороды Эрн отмечает его осведомленность в области античной философии, а также западных Отцов Церкви, но при этом определенную свободу от влияния и тех, и других. Стремление к самобытности и оригинальности в подаче материала подчас сталкивалось с банальной проблемой – отсутствием русской философской лексики. «Сковорода – большой любитель символов, очень склонен к антитезам, но главная трудность его произведений связана была с невыработанностью русской философской терминологии, – впрочем, очень многие созданные им термины не

удержались в русской философии»². Несмотря на то, что Сковорода был выходцем из Украины, «он далеко выходит за ее пределы и по существу созвучен обще-русской духовной жизни». Философ СПбГУ А. В. Малинов, исследуя язык и стиль произведений этого философа, отмечает следующее: «Наряду с яркой, образной, поэтической речью, иногда сверкающей молниеносной красотой, – церковно-славянская загроможденность, уснащенная “подлыми” словечками. Простонародная речь базарной хаотичностью врывается в диффирамбически-восторженный, приподнятый “тон” изложения, и иератическая таинственность сменяется рассудочной силой какой-нибудь басенки»³. Поскольку Григорий Сковорода владел украинским, русским, классическими языками, еврейским и не исключено, что некоторыми европейскими, то в данном случае можно говорить о его билингвизме. Однако в области философии наибольший интерес вызывает его владение и употребление классических языков наряду с русским языком. Латинский язык был академическим языком, на котором велось преподавание в учебных заведениях Российской империи. Поскольку он был языком науки, то и философские трактаты также писались на нем. Сковорода писал на русском и украинском языках, используя латинский и греческий языки в том случае, когда было сложно подобрать точный русский термин или формулировку. Обычно он дает перевод латинского или греческого слова или фразы, стараясь подобрать наиболее точный русский эквивалент. «Тот же вкус в тех речах: «*Omnia vincit amor...*» – «все побеждает любовь»; «к ней следующее наставление: *Tu nihil invita dices faciesve Minerva*, сиречь «Не говори и не делай ничего без благоволения Минервы»»⁴. Подобных примеров довольно много. Иногда автор оставляет иностранные слова без перевода, по-видимому, не найдя подходящего эквивалента. «Сия трава у древних эллинов звалась *δίχ αμνος*»⁵. Иной раз перевода нет, вероятно, из-за простоты и общеупотребительности фраз, например, «но что значит то, что говорят студенты: *Arg perficit naturam*»⁶. Сложность перевода философских терминов, написанных на классических языках при их переводе на русский язык, описана в работе Н. Корж «Место и особенности латинского языка в творчестве Г. С. Сковороды»⁷. Исторически так сложилось, что труды Сковороды были преданы забвению и его новизна и злободневность остались так и не востребованы его современниками. Он был больше известен как моралист, аскет; философские труды его были мало известны и не оказали большого

² *Зеньковский В.В.* История русской философии. – М., 2001. С. 70.

³ *Малинов А.В.* Философские воззрения Григория Сковороды. – СПб., 1998. С. 25.

⁴ *Сковорода Г.* Сочинения в двух томах. Т.1. – М., 1973. С. 458, 438.

⁵ Там же. С. 454.

⁶ *Сковорода Г.* Сочинения в двух томах. Т.1. – М., 1973. С. 442.

⁷ *Корж Н.* Место и особенности латинского языка в творчестве Г.С. Сковороды. – М., 1956. С. 62.

влияния на культуру, литературу и русскую философию. Его заслуга была в том, что он один из первых русских мыслителей, который попытался составить подобие греко-латинско-русского словаря с комментариями.

XVIII век характеризуется усилением интереса русских мыслителей к русской истории, самобытной культуре и языку. Он связан с исторически сложившейся нестабильностью соотношения разговорного русского языка и церковнославянского языков. Петр I, отделив церковь от государства, способствовал ослаблению билингвизма – русский административно-деловой язык и церковнославянский. Однако нельзя забывать, что культурно-языковые процессы, несмотря на свою чувствительность к социально-культурным изменениям общества, не могут моментально изменить общественное мнение, мораль, устои и привычки, которые складывались веками. Административно-деловой русский язык стал официально государственным языком. Церковнославянский язык был закреплен за религиозной сферой. В остальном в начале века позиции этих двух языков замещались в зависимости от личных предпочтений, социальных и политических условий. Благодаря этим замещениям такой тип билингвального общества продолжал существовать почти до XVIII века. Новая политическая ориентация русского государства на западную культуру и язык заставила образованных людей задуматься о сохранении своей самобытной культуры и родного языка. Европеизация России вносила много нового и противоречивого в русскую культуру. Русские мыслители были обеспокоены интеграцией чуждых им культурных западноевропейских инноваций. Ведь русский народ, в большинстве своем необразованный, владел только разговорным русским языком. При таких условиях существовала угроза разрыва дворянского общества и народа. Поэтому не случайна активизация русских философов в отношении популяризации русского языка с учетом новых требований эпохи и политики. Процесс европеизации сравним, пожалуй, с процессом византизации Древней Руси. Т. В. Артемьева в вступительной статье «Область дай уму...» отмечает этот период для русской философии так: «... начиная со второй половины XVIII в. рационалистическая философия «западного образца» органично входит в структуру российского менталитета и начинает существовать как одно из направлений русской философии»⁸.

Становление русской философии требовало поиска новых языковых форм выражения. Поскольку до XVIII века не существовало традиции русской философии вне религии, поэтому язык, обслуживающий эту область не был выработан. При этом перенять целиком западную традицию также не представлялось возможным из-за отсутствия

⁸ Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. – СПб., 1996. С. 5.

русских философов, владеющих иностранными языками в полной мере, с тем, чтобы они стали проводниками, переводчиками, интерпретаторами традиций античной и западной философии. Артемьева пишет, что усвоение западного философского опыта походило на методы изучения иностранного языка. «И действительно, это было в первую очередь изучением языка, ибо русская философия изучала тот язык, те принятые в Европе логико-грамматические формы, которые позволили бы ей не только услышать и понять, но и вступить в диалог, выразив в общепризнанных словесных эквивалентах богатство собственной культуры»⁹. Общественные изменения повлекли изменения и в мировоззрении философов-мыслителей. На смену философии, как образа жизни и деятельности, приходит философия как способ мышления и практики морального поведения. Секуляризация же позволила отойти от христианских норм и обратиться к другим формам философствования, например, к метафизике, которая изучала сущность человека и окружающий его мир. Не менее острым был вопрос о роли и месте философа в русском обществе и русской культуре. В соответствии с этими тенденциями Г. Н. Теплов пишет свою работу под названием «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут, собраны и изъяснены Григорием Тепловым». Григорий Николаевич Теплов (1717-1779) был не только философом, но и государственным деятелем, музыкантом и т. д. Несмотря на свое низкое сословное положение, но благодаря талантам, он сумел получить блестящее образование в России и за границей. Учась в Германии, он увлекся философией Хр. Вольфа и затем уже в России стал одним из последователей вольфианства, наряду с известным русским ученым Ломоносовым. Отчасти благодаря политике русского государства, ориентированной на закон и внутреннюю политику Германии, отчасти пропаганде русскими философами, учеными и мыслителями вольфианства, постепенно к латыни, как языку науки, присоединяется немецкий язык. В период царствования Екатерины II в петербургских академиях и университетах главенствуют немецкие профессора и немецкая речь. В этой связи можно вспомнить не только Теплова и Ломоносова, но и других русских мыслителей – Д. С. Аничкова, М. М. Щербатова, В. А. - Левшина и пр., которые изучали, цитировали и в дальнейшем развивали мысли немецких философов и мыслителей, например, философа-просветителя, сторонника теологического рационализма М. Мендельсона (1729-1786), Л. Ф. Тьюминга (1690-1728), Г. Остерридера (?-1783), Г. Канца (1690-1753), И. Винклера (1703-1770), не говоря уже Вольфе и Лейбнице. Вольф их привлекал не только тем, что систематизировал философию, но, в

⁹ Там же. С. 6.

основном, тем, что он один из первых стал писать и преподавать философию по-немецки, в отличие от Лейбница, который писал только на латыни и французском языке, поскольку считал немецкий язык не пригодным для выражения философских мыслей. Вольф становится достойным примером пропаганды родного языка для передовых русских мыслителей. «... довольно нам будет того, когда сможем изъяснить мнение и мысли барона Г. Вольфа, славного философских частей учителя нынешнего века»¹⁰.

Если процессы становления родного языка в разных «профессиональных» сферах жизни в европейских странах начались еще в XVII веке, то XVIII век стал кульминационным историческим моментом для укрепления позиций родного языка в науке. В России эти процессы шли быстрее благодаря использованию европейского опыта. При этом накладывались своеобразные исторические, социальные и политические условия. Происходит смешение старого и нового. Артемьева отмечает в анализе текстов русских философов XVIII века следование латинской жанровой традиции – диалогу. Переплетение сократовской традиции в платоновских произведениях и русских поучений, летописей создавало новое условие к осмыслению русскими философами старинного жанра. «Диалог дает особые возможности философствования. Он позволяет высказывать одновременно противоположные тезисы, не впадая в противоречие»¹¹. Названия произведений определяли жанр и содержание, например, «Размышления о смертном часе», «Разговор о бессмертии души» (М. М. Щербатова), «Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства» (Д. С. Аничкова), «Письма к приятелю», содержащие в себе краткие, но полезные и любопытства достойные для человека материи (М. В. Данилова) и т. д.

Отказавшись от латыни и немецкого языка, многие передовые русские философы, тем не менее, не смогли избавиться от сложных конструкций церковнославянского языка, калек с латинского и греческого языков, использования других влияний латыни, таких как написание терминов или определенных понятий с заглавной буквы, не говоря уже о правилах пунктуации и цитирования. «... мыслители XVIII в. зачастую не придерживались в рукописях даже тех условных правил, которые им рекомендовала российская грамматика того времени. Авторские рукописи облачены как бы в «домашнюю одежду», удобную в кругу семьи, но недопустимую для выхода в свет»¹². Например, у Д. С. Аничкова в его

¹⁰ Сб. Философский век. Христиан Вольф и русское вольфианство. Г.Н. Теплов. Знания, касающиеся до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужеродных книг читать не могут, собраны и изъяснены Григорием Тепловым. – СПб., 1998. С. 226.

¹¹ Артемьева Т.В. «Область дай уму...». Сб. Философский век. Христиан Вольф и русское вольфианство. Г.Н. Теплов. – СПб., 1998. С. 30.

¹² Артемьева Т.В. «Область дай уму...». Сб. Философский век. Христиан Вольф и русское вольфианство. Г.Н. Теплов. – СПб., 1998. С. 70.

работе «Слово на высокотожественный день восшествия на Всероссийский престол Ее Императорского величества, Всепресветлейшей, Державнейшей Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, ...» можно встретить употребление слов с заглавной буквы: «ежели бы не было *Солнца*, то...; что находится в *Существо* необходимо нужном, то есть *Боге*; по оному Ее Матернему желанию». Написание существительных с заглавной буквы наводит на мысль о сильном влиянии немецкого языка на творчество автора.

Если немецкий и латынь закрепились в научной сфере, то на бытовом уровне (в обществе, в семье) в дворянской среде середины XVIII века постепенно главенствующее место занимает французский язык. Безусловно, подобное явление было отчасти данью моде, ведь все светское аристократическое общество изъяснялось на французском языке. Язык стал показателем кастовой принадлежности. Стремление всего дворянства подражать высшей знати привело к тому, что французский язык становится, наряду с русским, языком межкультурного общения и общения дворянского общества. Период середины XVIII – середины XIX веков характеризуется как билингвальный, т. е. когда русское дворянское общество употребляет русский и французский, заменяя один другим в подобных языковых ситуациях, в зависимости от тех или иных этикетных норм. Все эти билингвальные процессы, касающиеся русского и французского языков, происходили на бытовом уровне и косвенно затрагивали сферу науки и философии. Конечно же, такие мощные языковые процессы учитывались многими русскими мыслителями.

Возвращаясь к Теплову, можно провести параллели между вышеуказанными языковыми процессами и построением его работы «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут, собраны и изъяснены Григорием Тепловым». Эта работа содержит терминологическую таблицу, где представлены латинские термины и даны их переводы на русский и французский языки. Например: Бытие – *Ens – être*, Вид или образ – *Modus – le Mode*, Материя – *Materia – Matière*. Перевод на русский язык объясняется отсутствием философской терминологической базы, а появление французского языка – показатель билингвизма русского дворянского общества. В самом названии работы заложено стремление автора донести свои философские взгляды до широкого круга читателей, даже до тех, которые не владеют иностранными языками. Сам Теплов объясняет использование русского языка в своей работе так: «... многие в нашем народе по сие время не только в философской науке довольно познание имеют, но и свое знание на природном языке другим сообщить бы могли, ежели бы их к тому или время допустить могло, или должность

иная по званию их от того не отвращала»¹³. До Теплова перевод терминов был буквальным и достаточно непонятным для читателя. Разрабатывая терминологическую систему, он стремится уйти от наукообразности перевода и передать понятийное содержание слова или словосочетания. Таким образом, создается первый латино-русско-французский словарь философских терминов.

Однако исследовательница Артемьева отмечает его «определенную синонимию как в употреблении русского, так и «ученого языка»»¹⁴. «Странным многим покажутся в сей книге слова принятые, как напр. тождество, правдоподобие, бытность, идея, предупреждение, предрассуждение и прочее. Однако же сам благосклонный читатель, ежели прилежно вникнет в материю, о которой речь идет, увидит, что такие слова не что иное, как перевод сколько возможно исправный слов латинских, которые в философии необходимо надобны. Цицерон, великого красноречия человек, но своих латинских слов, когда впервые с греческого их перевел, стыдился, а иных и перевести не мог, да оставил в философии греческими. Сие случилось в наши времена с французским языком, а наипаче с немецким. Вольф, профессор за свои переводные слова философские был от многих, а наипаче от Лейпцигского университета осмеян, а ныне нигде так как в Лейпциге в университете, вошли слова его перевода в употребление. То же случится имеет и в русском языке»¹⁵. Так же, как Сковорода, Теплов дает в тексте русский вариант перевода определенного термина, а затем латинский оригинал – «о таких мнениях говорим, которые обыкновенно называются скоропостижные, по-латински **vitium fubreptionis**», или «..чтоб только найти вечное движение, что обыкновенно ученые люди называют **Mobile perpetuum?**» Если рассмотреть созданный Тепловым мини-словарь, то становится очевидным, что представленные 27 терминов относятся к отвлеченной лексике. Эти термины по звучанию совпадают с религиозными терминами, однако философское содержание отличается от религиозного.

До XVIII века отвлеченная лексика целиком писалась на церковнославянском языке, после реформы 1704 и 1721 года место оказалось вакантным. Заполнение этого пробела была важной задачей для русских мыслителей. Подобно Теплову, известный русский поэт и филолог В. К. Тредиаковский составляет словарь латинских и греческих терминов, количество слов у него представлено более двухсот. В комментариях к своей работе под названием «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели» он дает перевод латинских и

¹³ Сб. Философский век. Христиан Вольф и русское вольфианство. Г.Н. Теплов. Знания, касающиеся до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужеродных книг читать не могут, собраны и изъяснены Григорием Тепловым. – СПб., 1998. С. 221.

¹⁴ Артемьева Т.В. «Область дай уму...». Сб. Философский век. Христиан Вольф и русское вольфианство. Г.Н. Теплов. – СПб., 1998. С.199.

¹⁵ Там же. С. 219.

греческих терминов на французский язык. Он объясняет это так: «Французский съ латїнскаго и греческаго переводъ Фїлософїческимъ Званїямъ, въ семь Словъѣ употребленнымъ пославенски, здѣланный нарочно въ пользу умѣющимъ изъ нащихъ пофранцузски, для лучшаго имъ понятїя оныхъ Знанїй»¹⁶. Например: *idea* – *idée* (понятие, мысль), *operatio* – *operation* (действие, работа), *probabilis* – *probable* (вероятный), *figura* – *une figure* (лицо, образ), *Φαινόμενα* – *les phénomènes* (явления, процессы). Русского эквивалента этих слов у автора не представлено. На полях книги французские слова и фразы сопровождают текст на русском языке. Следует отметить сложность в понимании смысла некоторых фраз. Только латинский эквивалент в сноске помогает читателю правильно истолковать мысль автора. Это говорит о словотворчестве каждого мыслителя и о не устоявшейся терминологической базе.

«Именно не устоявшийся характер философской лексики определял ее попытки приобщиться к международной лексической системе, построенной на использовании «ученых» языков, прежде всего греческого и латинского. Иноязычные термины группировали эти синонимы (терминологические эквиваленты), не имея собственно эквивалента в языке, воспринимались скорее как интеллектуальные метафоры-образы, навеянные поэтикой европейского рационализма»¹⁷. Появление в словарях Теплова, Тредиаковского и других мыслителей-переводчиков (А. Кантимира, В. А. Левшина) французских эквивалентов латинских или греческих терминов, наряду с их русским вариантом, объясняется не только данью моды на французский язык, но и модой на французских философов-мыслителей. Увлечение французской философией было подхвачено русским двором и постепенно охватило всю дворянскую среду. Начиная с правления Екатерины II (1762-1796), русские мыслители, философы изучают и распространяют идеи французских философов. Они начинают переводить их произведения, продолжая развивать философские мысли на свой манер. Такие авторы, как Д. С. Аничков, М. В. Данилов, В. Т. Золотницкий, чье творческое начало пришлось на екатерининскую эпоху, опирались на труды только немецких философов, хотя некоторые упоминали работы Р. Декарта. В работах же русских мыслителей после 1762 года появляются цитаты, сноски из работ французских мыслителей. Например, И. М. Кандорский в своей работе «Наука о душе, или ясное изображение ее совершенств, способностей и бессмертия» ссылается на произведение Сент-Иасента «*Recherches philosophiques sur la nécessité de s'assurer par soi-même de la vérité, sur la certitude de nos connoissances et sur la nature de êtres, par un member*

¹⁶ Тредиаковский В.К. Слово о мудрости, благоразумии и добродетели. Т.2. – СПб., 1752. С. 271.

¹⁷ Артемьева Т.В. «Область дай уму». Мысли о душе. Сб. Философский век. Христиан Вольф и русское вольфианство. Г.Н. Теплов. – СПб., 1998. С. 36.

de la Société royale de Londres», Р. Декарта «Метафорические размышления» и «Страсти души». В. А. Левшин в «Письме, содержащем некоторые рассуждения о поэме Г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное Лвшнм к приятелю его Господину З...» обращается к творчеству Вольтера, Декарта, Ж. Ж. Руссо (*Spectacle de la Nature*), Н. А. Плюша. М. М. Щербатов в «Размышлении о смертном часе» и «Размышлении о бессмертии души» упоминает о работе Г. Бургаве «*Abrege de la theorio chymique*», М. Мендельсона «Федон, или о бессмертии души».

В это же время в России второй половины XVIII века появляются переводные произведения английских философов: Д. Беркли, Ф. Бэкона, Т. Гоббса, В. Коварда, Д. Локка, Э. Юнга и др. Обычно эти произведения писались авторами изначально на международном языке (французском) или были позже переведены на французский язык. Английские авторы были не менее популярны, чем французские, и их книги читали в кружках и салонах Москвы и Санкт-Петербурге. Английские философские идеи были привнесены в Россию англоманами, которые обожали все английское и стремились ознакомить русское общество с английской культурой, литературой, модой, философией и т. д. Обычно это были дипломаты, представители дипломатической миссии в Англии или студенты и выпускники Оксфорда и других английских университетов. Например, Михаил Иванович Плещеев, советник посольства России в Лондоне и известный публицист, в своей работе под названием «Труды» в 1775 г. во вторую статью включил стихотворение «Стихи, писанные одним оксфордским студентом, смотря на Локков портрет». Оно замечательно «не только хвалой учению Локка», но и то, что он «стал первым россиянином, удостоенным оксфордской ученой степени – почетного доктора классической литературы»¹⁸. В 90-е года XVIII в. интерес к Англии усилился благодаря изменениям во внешней политике России, а также более активной пропаганде английских аграрных идей и всего английского. Английский язык в России не мог конкурировать с французским, немецким ни в философской среде, ни в дворянском обществе в целом, а уж тем более с родным языком. Несмотря на англomанию, общий билингвизм русского дворянского общества оставался неизменным – русско-французский. О мультилингвизме, где сильную позицию занимал русско-французский билингвизм и к нему присоединился английский язык, в данной связи можно говорить о русско-английском билингвизме, имея в виду только определенный круг людей, которые посещали англо-ориентированные салоны в Москве и Санкт-Петербурге. Эти салоны Карамзина и Самборского. «Дом его (Самборского) в Петербурге стал местом, где собиралось все больше русских англофилов и англичан, как постоянно живших в

¹⁸ Э. Кросс. У Темзских берегов. – СПб., 1996. С. 116.

России, так и гостей русской столицы»¹⁹. Кроме перечисленных авторов, можно вспомнить Семена Десницкого.

«Примерно к середине XVIII в. относится и образование салонов, а также и литературных кружков у нас. Уже в 30-х и 40-х годах XVIII в. мы находим интимные литературные кружки»²⁰. Перечисляя русских мыслителей XVIII века, которые увлекались не только метафизикой, но и богословием, моралью, можно лишь немногих указать в качестве академических мыслителей-педагогов. Это Тредиаковский, Теплов, Аничков, Золотницкий и пр. Их было не так много, но эти академические преподаватели ставили перед собой задачу разработать новый «метафизический язык» для научной работы. Остальные мыслители занимались философией по зову сердца. Они также стремились создать новый язык, но не академический или научный, а приближенный к литературному языку и доступный для всех единомышленников. Единственно, где они могли представить свои труды на суд слушателя, это были кружки и салоны. Значимость салонов трудно переоценить. В ситуации, когда академическое образование и наука находились в состоянии близком к «плагиату», т. е. использованию переводных источников, именно салонная жизнь двух столиц представляла и развивала литературную и философскую жизнь России, задавая тон и направление новым жанрам, новым путям поисков вечных вопросов жизни. Переводами занимались все. Иногда случалось, что на суд слушателей салона сразу два автора представляли свои переводы одного и того же произведения. В обществе это не приветствовалось. Чтобы такого не случилось, авторы, преступая к переводу, печатали объявления, «которые предостерегали современников своих, чтобы они не брались за перевод такого-то романа, потому что он уже переводится и скоро поступит в продажу...»²¹ в журналах, таких как «Московские ведомости». Даже в начале XIX в. таких периодических изданий было недостаточно, и они пользовались бешеной популярностью.

Салоны, в отличие от кружков, чей век был скоротечен, так как они создавались на злобу дня и имели узконаправленный характер, соединяли в себе разнообразие мыслей и направлений. Там встречались поэты, прозаики, литераторы, их критики, философы, богословы, художники, скульпторы, композиторы и т. д. Это были не профессионалы, а гениальные дилетанты, которые воспринимали свое призвание, творчество, как увлечение, которое можно представить в кругу друзей и знакомых. Композиторы приносили с собой ноты и тексты романсов, которые разучивались на месте, и уже через несколько дней их пели во всех салонах столицы. Споры и жаркие дебаты переходили из одного салона в

¹⁹ Э. Кросс. У Темзских берегов. – СПб., 1996. С. 58.

²⁰ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. – Санкт-Петербург, 2001. С. 40.

²¹ Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. – М., 1988. С. 164.

другой, меняя характер и направленность, но, не меняя своей сути. Например, в салоне И. И. Шувалова «схватывались Ломоносов и Сумароков». Этот же салон посещали в разное время Державин, Оленин, Шишков, Дашкова, Козодавлев, Дмитриев и пр. Порой по рекомендации знакомого в аристократическом салоне мог появиться интересный для хозяев, не столь знатный и не столь богатый, молодой человек. Это было в порядке вещей, как в Европе, так и в России. Европейские традиции устройства высшего общества были переняты и поддерживались русскими дворянами. Исходя из изученных материалов, можно отметить тот факт, что русско-дворянская среда была очень неоднородной. Постоянное стремление Екатерины II сформировать «серединное дворянство» не было реализовано в должной мере. Этот термин был достаточно условен. Пожалуй, трудно причислить к этой прослойке общества людей, носивших титулы князей, баронов, графов и т. д. Обычно, перечисляя друзей Пушкина, называют их фамилии, при этом отбрасывают их титулы. Возможно, такая традиция сложилась в советские времена, когда не было принято обнародовать их аристократическое происхождение. В тот период их не причисляли к высшему обществу, да и, как видно из их писем и мемуаров, они сами не выставляли на показ свое происхождение. Русское дворянское общество, с большой долей условности, можно было поделить на три неравных части: первая – придворные, т.е. персоны особо приближенных к царской семье, вторая – высшее общество, т.е. это были дворяне с высокими титулами, которые служили в армии или на статской службе или же были баснословно богатыми, третья – дворяне без титулов, которые могли служить или быть помещиками. Третья часть была совсем неоднородной. Дворяне на службе достаточно презрительно относились к помещикам, которых было большинство. При этом надо учитывать разделение дворян по территориальным меркам. Точную классификацию русско-дворянского общества конца XVIII – начала XIX вв. провести сложно еще и по причине разделения дворян на Московское и Петербургское общества. Такую градацию можно найти почти во всех мемуарах. Московское общество кардинально отличалось от Петербургского. Если дворянское общество Москвы и Петербурга значительно отличались друг от друга, то пропасть между провинцией и столичными дворянами была еще больше. Но, не смотря на все нюансы русско-дворянского общества, аристократические традиции, пришедшие из Европы, трансформируясь под влиянием национальной культуры, сохраняли свою суть.